

САМАЯ ОПАСНАЯ КАРТИНА МИРА

Не каждый, кто называет себя защитником природы, согласен с необходимостью сохранения биоразнообразия. Небольшое, но растущее меньшинство считает, что человечество уже переступило ту грань, за которой вызванные его деятельностью изменения в мире живого стали необратимыми. Теперь, говорят они, мы должны адаптироваться к жизни на искаленной планете. Некоторые ревизионисты и вовсе призывают перейти к полностью антропоцентричной картине мира, в которой люди выступают в качестве абсолютных хозяев Земли, а решение о необходимости сохранения тех или иных видов или экосистем в дикой природе принимается исключительно исходя из степени их полезности для нашего вида.

В этом взгляде на жизнь на Земле совсем нет места для дикой природы: весь мир, включая даже самые отдален-

ные его участки, считается в той или иной степени подвергшимся отрицательному воздействию человечества. Живая природа — в том виде, в каком она существовала до прихода человека, — уже мертва или близка к смерти. Самые радикально настроенные сторонники этого подхода, вероятно, верят, что такой исход был исторически предопределен. Если это так, человечество должно взять в свои руки судьбу планеты и определять ее будущее — все, что простирается от одного полюса до другого, принадлежит только нам, и по большому счету ничто, кроме нашего вида, не представляет ценности.

В этих рассуждениях есть толика правды. Человечество причинило такой ущерб планете, на который не способен ни один другой вид. Начало полномасштабному наступлению — поклонники идеи антропоцена предпочитают называть этот процесс «ростом и развитием» — положила промышленная революция. Оно было предопределено истреблением большинства видов млекопитающих, чей вес превышает 10 кг, в мире (обычно их называют мегафауной), которое было начато охотниками-собираателями эпохи палеолита и продолжалось в дальнейшем, набирая темп с каждым новым этапом развития технологий.

По своему характеру процесс сокращения биоразнообразия напоминает скорее постепенное уменьшение яркости света, нежели мгновенное наступление темноты по щелчку выключателя. Становясь все более многочисленным и распространяясь по миру, человечество практически всегда эксплуатировало доступные ему локальные ресурсы до полного их исчерпания. Пережив одно удвоение своей численности, затем второе и, наконец, третье, люди обрушились на планету словно враждебно настроенные пришельцы.

Сам по себе процесс носил чисто дарвиновский характер, проявлявшийся в слепом поклонении богам безграничного роста и размножения. С точки зрения человечества, он

сопровождался рождением новых форм красоты в разных видах искусства, тогда как всем остальным, за исключением бактерий, грибов и стервятников, происходившее вряд ли доставляло эстетическое удовольствие. В 1877 г. викторианский поэт Джерард Мэнли Хопкинс так написал об этом:

Груз поколений множим, множим, множим;
 Торговли яд, труда тупого смрад
 И пот забот во всем — земли утрат
 Ногой обутой ощутить не можем*.

Темпы истребления биоразнообразия увеличивались пропорционально скорости распространения человечества по планете. Десятки тысяч видов стали жертвами топора и каструли. Как мы уже видели, по меньшей мере 1000 видов птиц, то есть 10% от всего числа видов в мире, исчезли, когда переселенцы из Полинезии заполнили Тихий океан на своих катамаранах и каноэ с аутригерами, перебираясь с острова на остров от Тонга до самых отдаленных архипелагов, включая Гавайские острова, острова Питкэрн и острова Новой Зеландии. Когда первые европейские мореплаватели добрались до Северной Америки, они уже не обнаружили там никаких следов мегафауны, которая, вероятно, когда-то была одной из самых богатых в мире, — она стала жертвой стрел и ловушек палеоиндейцев. Исчезли мамонты, мастодонты, саблезубые представители семейства кошачьих, отличавшиеся большими размерами ужасные волки, громадные парящие птицы, гигантские бобры и гигантские ленивцы.

Вместе с тем даже в самых оскудевших районах остались нетронутыми почти все растения и мелкие животные,

* Хопкинс Д. Божье величие. Пер. А. Парина. Цит. по: Английский сонет XVI–XIX веков: Сборник/Сост. А.Л. Зорин. — М.: Радуга, 1990. — С. 503.

включая насекомых и других членистоногих с их неизменным разнообразием. Я уверен, что, если бы мог отправиться на 15 000 лет назад в прошлое с сачком и лопатой, то нашел бы и идентифицировал большинство видов бабочек и муравьев. А вот мегафауна стала бы для меня чем-то совершенно новым. Зародившись в США в XIX — начале XX вв., движение в защиту окружающей среды с опозданием — к счастью, небольшим — начало работу по спасению того, что осталось от фауны и флоры. Начало было положено открытием в 1872 г. Йеллоустонского национального парка — первого национального парка в мире, вдохновленного работами Генри Дэвида Торо, Джона Мьюра и других натуралистов и активистов. Результатом последующей работы участников движения стало создание разветвленной сети парков на федеральном уровне, на уровне штатов и на местном уровне. К ним добавились частные заповедники, созданные негосударственными организациями, такими, например, как знаменитая The Nature Conservancy. «Природа должна быть дикой, природа должна быть первозданной, природа должна быть нетронутой» — избрав этот принцип в качестве своего кредо, американское движение провозгласило, что вмешиваться в жизнь природы не надо, за исключением случаев, когда требуется нейтрализовать отравляющие последствия человеческой деятельности. Как заметил Уоллес Стегнер в 1983 г., национальные парки Америки — «лучшая из всей идей, когда-либо пришедших нам в голову».

Постепенно идея о необходимости сохранения природы распространилась по всему миру, в результате чего к началу XXI в. в подавляющем большинстве из 196 независимых государств мира были учреждены национальные парки или находящиеся под защитой государства особо охраняемые природные территории той или иной категории. Таким образом, идея оказалась успешной, правда только отчасти, если судить

по количеству и качеству особо охраняемых природных территорий. Занимая огромные участки суши в тропической части Америки, Индонезии, Филиппин, Мадагаскара и Экваториальной Африки, заболоченные территории, которые служат домом для гораздо большего числа видов, чем аналогичные территории в Америке и Европе, балансируют между жизнью и смертью. Анализ данных по позвоночным животным (млекопитающим, птицам, рептилиям, лягушкам и прочим земноводным, а также рыбам) показывает, что во всех подобных местообитаниях по всему миру вымирание видов происходит со скоростью, приблизительно в тысячу раз превышающей ту, которая имела место до прихода человека, и при этом темпы вымирания продолжают увеличиваться.

В новой идеологии антропоцена уделяется особое внимание недостаточной эффективности движения в защиту окружающей природной среды. Ее сторонники заявляют, что усилия поборников традиционных подходов к спасению биоразнообразия Земли фактически провалились. Абсолютно девственной природы больше нет, а чтобы погрузиться в настоящую, нетронутую человеком глушь, придется напрячь воображение. Те, кто смотрит на мир глазами поборников антропоцена, исходят из картины мира, которая не имеет ничего общего с традиционным мировоззрением защитников природы. Наиболее радикально настроенные из них полагают, что обосновать необходимость сохранения того, что осталось от природы, можно только в том случае, если относиться к ней как к предмету потребления. По их мнению, в работе по сохранению биоразнообразия следует руководствоваться потребностями человечества. Не нужно мешать истории развиваться так, как это, как им кажется, предопределено. Прежде всего необходимо признать, что Земля обречена очеловечиться. Те, кто хотя бы частично или полностью разделяет эту точку зрения, не видят в антропоцене ничего плохого. Конечно, они не против, что-

бы от природы что-то осталось, но суть в том, что даже дикие животные и растения должны заработать свое право на существование, как это делают все остальные.

В рамках этой идеологии, которую некоторые ее сторонники считают новой парадигмой охраны природы, был сформулирован ряд практических рекомендаций. Прежде всего, природоохранная деятельность в заповедниках и на прочих особо охраняемых природных территориях должна осуществляться с учетом потребностей людей. При этом под «людьми» подразумевается не все человечество как таковое, а те, кто живет сейчас и будет жить в ближайшем будущем, наши современные эстетические предпочтения и личные ценности трактуются как универсальные, а значит, вечные. Если политики решат следовать указаниям поборников антропоцена, они сделают так, что природа пройдет «точку невозврата», независимо от того, понравится это бесчисленным будущим поколениям или нет. Выжившие виды диких растений и животных будут жить в согласии с людьми. Если в прошлом люди были всего лишь гостями в природных экосистемах, в эру антропоцена виды, специально отобранные для формирования отдельных частей экосистем, будут жить среди нас.

Главных проповедников антропоцена, судя по всему, совсем не заботит, что произойдет, если их идеи будут реализованы. Им чужд страх, равно как и интерес к фактам. Одна из них, социолог и эколог Айлин Крист, пишет следующее:

Экономический рост и культура потребления останутся основными социальными моделями (многие пропагандисты идеи антропоцена видят в них разумное зерно, тогда как некоторым из них они кажутся неоднозначными); мы живем на одомашненной планете, навсегда потерявшей свою девственность; почему бы нам не перестать «охать» да «ахать» по поводу экологической ситуации и не заду-

маться о положительных аспектах жизни на очеловеченной планете; мы должны посвятить себя технологиям, даже если они сопряжены с риском, грозят централизацией и связаны с промышленными системами, воспринимая их как судьбу и даже как спасение.

Эрл Эллис, специалист по вопросам охраны окружающей среды из Мэрилендского университета, опубликовал открытый манифест, в котором он призывает защитников окружающей среды готовиться к «новому порядку»: «Перестаньте пытаться сохранить планету. Природы больше нет. Вы живете на “поддержанной” планете. Если вас это беспокоит, просто преодолейте свой страх. Мы вступили в антропоцен — геологическую эпоху, когда состояние земной атмосферы, литосферы биосферы и гидросферы определяется деятельностью человека».

Что движет человечеством в его желании идти вперед, сметая все на своем пути? Эта энергия дает о себе знать во всем — даже в бытовых мелочах нашей повседневной жизни и в непререкаемых истинах, закреплённых идиомами нашего языка. Крист продолжает свой анализ:

Захват (или ассимиляция) сопровождается чисткой и оскудением биологических ресурсов: истощением почвенных ресурсов и отравлением их ядами; превращением всего и вся в объект убийства; запугиванием животных, чтобы при виде нас они сжимались от страха и спасались бегством; переименованием рыб в «рыбное хозяйство», животных в «домашний скот», деревьев в «лесоматериалы», рек в «источники пресной воды», горных вершин в «перекрывающие породы», а морского побережья в «пляжи» — и все это для того, чтобы обосновать необходимость «мероприятий», направленных на трансформацию, уничтожение и меркантилизацию.

Проповедники антропоцена, конечно, не отказываются совсем от идей сохранения биоразнообразия при «новом порядке». Крис Томас, специалист по охране природы из Йоркского университета в Великобритании, умудрился обойти стороной множество противоречащих его идеям публикаций, чтобы заявить, что продолжающееся вымирание местных эндемичных видов будет уравновешено привнесением чужеродных видов, которые сейчас разносятся по всему миру людьми. Эти виды, заверяет нас эксперт, помогут заполнить лакуны в экосистемах, которые не отличаются высоким уровнем биоразнообразия либо по естественным причинам, либо по вине человека. Скрещивание чужеродных и выживших аборигенных видов приведет к дальнейшему увеличению разнообразия форм жизни и числа видов. И нельзя забывать, напоминает он, что в предшествующие геологические эпохи за массовыми вымираниями следовали всплески видообразования. Разумеется, на это уходили миллионы лет. Томаса не беспокоит, что будущие поколения вряд ли будут прыгать от счастья, когда узнают, что на восстановление биоразнообразия эволюционным путем уйдет 5 млн лет или даже больше, то есть в несколько раз больше времени, чем потребовалось для формирования современного человека. Да и тот факт, что значительная часть чужеродных видов превращается в инвазивные, видимо, тоже не является для него проблемой. А ведь уже сейчас борьба с ними ежегодно обходится человечеству в многие миллиарды долларов.

Если для сохранения биологического наследия Земли необходимо в первую очередь просто следовать уже сложившимся принципам природоохранной деятельности, то зачем выдумывать что-то еще? Одним из видных «выдумщиков» является Питер Карейва, светило философии «нового консервационизма». В 2014 г. ему удалось занять влиятельный пост научного руководителя в The Nature Conservancy. В сво-

их публичных выступлениях и публикациях научного и популярного характера он фактически стал рупором тех, кто ставит под сомнение идею существования дикой природы. По его мнению, нетронутых человеком мест на Земле не осталось. А значит, необходимо открыть доступ к территориям, которые когда-то давно считались заповедными, чтобы ими можно было распоряжаться более разумно и извлекать из них прибыль. Дикой природе Карейва предпочитает «работающие ландшафты», которые он, по-видимому, противопоставляет «ленивым и праздным» ландшафтам. Это нужно ему, чтобы заинтересовать экономистов и бизнес.

Но все эти нападки на дикую природу проистекают из неправильного понимания этимологии. В Законе США «О дикой природе» нет ни слова «нетронутая», ни какого-либо другого похожего слова. Разумеется, Карейва и его единомышленники тоже знают, что термином «дикая природа» называют неосвоенные человеком территории, территории, пока еще не подчиняющиеся его воле. В терминологии ученых-экологов под дикой природой понимается местность, где природные процессы протекают самостоятельно, без вмешательства человека, то есть где сама жизнь остается хозяйкой. В понятие дикой природы часто включают немногочисленные коллективы людей, в особенности аборигенные, столетиями и тысячелетиями проживающие на одной территории. Их деятельность не меняет ее определяющие характеристики. И участки дикой природы, как я совсем скоро покажу, действительно существуют. Бесполезно пытаться игнорировать их, жонглируя терминами.

Еще одна группа оптимистично настроенных поклонников идеи антропоцена питает надежды несколько иного рода: многие из вымерших видов, полагают они, можно будет возродить, если удастся получить достаточное количество хорошо сохранившейся ткани, чтобы выделить из нее генетиче-

ский код и клонировать животных. Среди первых претендентов на воскрешение из мертвых: странствующий голубь, мамонт и австралийский сумчатый волк. Предполагается, что необходимые для их выживания экосистемы остаются нетронутыми или могут быть воссозданы, и каждый вид каким-то образом сможет занять в них ту же экологическую нишу, что и раньше.

Выступая на страницах *Nature*, Субрат Кумар, профессор биотехнологии из города Бхубанешвара в Индии, не только доказывает возможность воскрешения, но и призывает к разработке новой масштабной программы возрождения видов в духе Ноя. Чтобы успокоить тех, кто беспокоится, что в случае успеха возрожденные виды могут хлынуть в свои прежние ареалы, сметая все на своем пути подобно страшным зомби и уничтожая другие виды, Кумар спешит добавить: «Все возрождаемые виды будут иметь в своем генетическом коде механизмы, которые позволят легко избавиться от них в случае возникновения затруднений».

И вот уже в научно-популярной литературе мы видим, как журналистка и писательница Эмма Маррис рисует радужную картину будущего, в которой полудикие виды содержатся для нужд человека в парках, разбросанных по территории обновленной «умной» планеты. С ее точки зрения, мы должны немедленно отказаться от идеи бесконтрольной дикой природы — порожденного и навязанного Америкой «культы», который «проглядывает сквозь формулировки программных документов экологических организаций» и которым, к сожалению, «пропитаны литература и документальное кино о природе». Мы должны покончить с этим порочным образом мышления, предупреждает Маррис. Наше истинное предназначение как хозяев планеты — превратить ее биоразнообразие в «полудикий пышный сад под нашим присмотром».

Мне кажется, что те, кого меньше всего заботит судьба неосвоенных человеком территорий и потрясающего биоразнообразия, пока еще сохраняющегося там, кто относится ко всему этому с пренебрежением, просто сами там никогда не бывали и имеют весьма отдаленное представление о предмете своих рассуждений. Думаю, в этом контексте будет уместным процитировать слова великого путешественника и натуралиста XIX в. Александра фон Гумбольдта, которые и сегодня сохраняют свою актуальность: «Самое опасное мировоззрение — мировоззрение тех, кто не видел мира».

ЧАСТЬ II

Настоящий мир живого

В значительной своей части биоразнообразие до сих пор существует. Это касается и видов, и экосистем. Но мы должны спешить. Иначе уже к концу этого столетия от него ничего не останется. Этот раздел посвящен удивительному богатству уцелевшего мира природы.

*Морские моллюски. Труды Лондонского зоологического общества,
1848—1860 гг.*